

М.2996-2

Вл. Япушкин.

ПЕЧАЛЬНИК
Костромской старины
(Памяти И. Д. Преображенского).

Отдельный оттиск из XIII вып.
Трудов Костр. Науч. Об-ва.

Кострома
Типография Костромского Научного Об-ва.
1919 г.

15/14-702 2/2
1977
12/9-24
1982
19/18-7.3
1988
18/15/11
1979
03/11/1
1996
28.04.1970

66 M 2996.2

85
04
2015

1955

1929

1929

Вл. Янушкин.

06
 А-787
 3727

ПЕЧАЛЬНИК
 Костромской старины
 (Памяти М. Д. Преображенского).

КОСТРОМСКАЯ
 ЦЕНТРАЛЬНАЯ
 БИБЛИОТЕКА

М. 2996.2

Отдельный оттиск из XIII вып.
 Трудов Костр. Науч. Об-ва.

Кострома.
 Типография Костромского Научного Об-ва.
 1919 г.

М. 2996.2

1929

К	По какому промысловому свида-	Общая сумма	Оплата за	Оплата за	Оплата за
каки	тельства, откуда, когда и за	какимъ № выбранному, приняты	подарки и поставки.	Свидетельства на	Свидетельства на
как	Мѣстонахож-	и промышлен-	ныхъ заведеній	подарочника или	подарочника или
унос	зан	и промышлен-	ныхъ заведеній	подарочника или	подарочника или
ста	опи	подарочника или	подарочника или	подарочника или	подарочника или
сум	опи	подарочника, если	подарочника, если	подарочника, если	подарочника, если
мет	опи	таковыя имѣ-	таковыя имѣ-	таковыя имѣ-	таковыя имѣ-
безп	опи	коть.	коть.	коть.	коть.

Суммы въ ..... году.
 (наименование учрежденія)

ВЪДѢНІЯ

Форм

1959

КОСТРОМСКАЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА КОЛЛЕКТОРА

М. 2996.2

Печальник Костроменой старины.

(Памяти И. Д. Преображенского).

25-го июня 1915 года скончался в Костроме после продолжительной болезни Иона Дмитриевич Преображенский.

— „Кто в Костроме не знал этого в высшей степени скромного, безбидного и симпатичного человека,—писал о нем г. Д. У. в кратком некрологе, напечатанном в одной из местных газет.—Кто из костромичей не вел с ним бесконечных „археологических“ разговоров?..“

Да, кто их не вел с ним? Кто не пользовался его советом и услугой в деле собирания всяческой „старины“, рукописей, книг, рисунков, мебели, утвари, монет, костюмов, сказок, песен, его посредничеством в приобретении их, его чутьем и знанием для определения, что „настоящее“ и что „поддельное“ или „не старое“, его содействием в разыскании генеалогических данных, его умением прочитать любой старинный документ? Кого не заряжал он своим благородным пылом, своей любовью к родной старине? А этот пыл он пронес, как свечочь, невредимо сквозь всю свою трудную, полную нужды и горя жизнь.

Но он умер, и только несколько газетных строк, правда тепло написанных, но быстро мелькающих в глазах и так же быстро исчезающих из памяти, почтили до сих пор его память, память „скромного, безбидного, симпатичного человека“.

Да, Иона Дмитриевич был скромен, очень скромен... И если бы он мог прочесть те строки, что посвятил ему г. Д. У., он, вероятно, и теперь сказал бы то же, что высказал он мне однажды... Узнав, что в одной статье по поводу Суворовского юбилея в 1900 году я посвятил ему несколько строк, он мне писал 17 января 1900 г. „зачем

же Вы, Владимир Александрович, меня поместили в хвалебном тоне о содействии по комиссии Суворовской. Право, я не ожидал, да и за что? — и прибавлял в *post scriptum*, видимо, все еще взволнованный и смущенный моим отзывом о нем: „Буду стараться к содействию о Суворове, но прошу не придавать значения моим дурацким и неопытным сказаниям“.

Да, он был безобиден... „Кто не знает, писал г. Д. У. как добродушно относился покойный к случаям „использования“ другими археологами его трудов, изысканий и начинаний? Иона Дмитриевич, бывало, только „рукой отмахивался“...

Но это были еще наименьшие „обиды“ из числа тех, которые выпадали на его долю. А их было много, очень много. Его обижали и судьба, и люди. Вся жизнь его была сплошной „обидой“. Но он, кажется, так и не обиделся ни на людей, ни на судьбу, ни на жизнь до конца своих дней. Последнее письмо его ко мне, от 4 апреля 1915 года, т. е. писанное за 2½ месяца до смерти, хотя и сообщало мне о новых „обидях“, причиненных ему жизнью, было так же незлобиво и безобидно, как и прежде.

И вот мне хочется, на основании личных впечатлений, разговоров и долголетней переписки с Ионой Дмитриевичем сделать нечто большее, чем „некролог“. Хочется оживить в памяти знавших его людей черты лица и души „скромного, безобидного и симпатичного человека“, большого труженика и большого „праведника“, сказал бы я. Хочется дать возможность оценить его хотя бы после смерти и рассказать историю его жизни. Она поучительна. И смысл ее поучительности вот в чем: Больше внимания, больше действенной помощи, добрые люди, к малым в сей жизни, к „скромным, безобидным, симпатичным людям“.

* * *

Я познакомился с Ионой Дмитриевичем в 1896 году. Случилось это так же, как случалось, вероятно, с большинством знавших его, при посещении музея Костромской ученой архивной комиссии. Этот музей был его детищем и стал его памятником. Иона Дмитриевич с та-

ким жаром, с такою вдохновенностью показывал мне все эти старые иконы, прялки, вышивки, кубки, чашки, погребцы, сундучки, монеты, кички, сарафаны, душегрейки, монисты, черепа, куски ржавого железа, так бережно-любовно развертывал „столбцы“ и свитки древних рукописей, раскрывал старые книги, что увлечение его невольно заражало... Чувствовалось, что видишь пред собою не заурядного библиотекаря и „хранителя музея“, а человека, душою сросшагося со всеми этими предметами, человека, над которым не властна „злоба дня“; для которого важно и значительно только то, что пережило „суету сует и всяческую суету...“ Еще бы! ведь все эти книги и рукописи, заваливавшие тесное, низкое сводчатое помещение музея, все эти вещи, развешанные по стенам, лежавшие и в витринах, и на полках, и на полу и на подоконниках, были вырваны им из невежественных и грубо-равнодушных рук, спасены от плесени и тления и вновь занесены на свет дня из тьмы курганных могил, сундуков, чердаков и подвалов! И глядя на его любованье этими вещами, слушая его живую страстную речь, в которой было столько выражений „костромского говора“, нельзя было остаться равнодушным, безразличным к человеку, казавшемуся чудачком, маниаком, „не от мира сего“.

Ведь тогда наше общество еще не переживало эпохи „возрождения искусства“ и связанного с ним увлечения стариною. То было без-стильное время, время чеховских героев... Безвременье то было. Дорубались последние „вишневые сады“, заколачивались последние „дворянские усадьбы... Стремилась „в Москву...“ или... „на кирпичный завод“... Завершалось разложение „старого быта“, а „новый“ рождался в муках борьбы за существование и за несколько идей, от которых ждали спасения. В борьбе за то и за другое эта „старина“ была ненужной ветошью. Она мешала даже строить новый быт.

Начало века принесло нам увлечение стариною. Но оно быстро впало в крайность. Оно стало модой, коллекционирование старины стало признаком хорошего тона и вкуса. При посредстве антикваров, рыскающих по стране и наживающих на старине огромные деньги, оно

стало таким же вандализмом, как раньше было им пренебрежение стариной.

Старинные вещи насильно отрывались спекулянтами от своих мест и переносились в места им чуждые. Густели ризницы старых церквей и монастырей, растаскивались по белу свету семейные реликвии, разрознивались семейные архивы и фамильные коллекции; обезценивались старые издания, из которых безжалостно вырывались старые гравюры, чтобы продать отдельно их и книгу...

Иона Дмитриевич любил старину в ту эпоху, когда ее не замечали, не ценили, ею не интересовались, не спекулировали и не модничали. Она была для него не товаром, а отрицанием его, не рыночной ценностью, а вещью без цены, бесценною вещью, ибо нет цены для памяти прошлого, для его отблеска, для его следа. Он не покупал ее, он спасал ее от забвения, от уничтожения, будь то песня, сказка, поговорка или кубок, или картина старого художника и старый жемчуг. Он любил все это само по себе и никогда не знал и не интересовался их материальной стоимостью.

Художественная ценность собиравшихся Иона Дмитриевичем предметов старины, научное значение спасавшихся им от уничтожения рукописей также не имели особого значения в его глазах. Он не был ни эстетом, ни историком в строгом смысле слова.

Это чувствовалось с одного взгляда на Иона Дмитриевича и понималось с первого его слова. Небольшого роста, бедно одетый, с всклокоченной головой, с простым лицом, загрубелым, изрытым морщинами, как следами трудной жизни, с небольшою бородкою, которую он постоянно теребил и скручивал, Иона Дмитриевич казался заурядным полу-интеллигентным обывателем, и только глаза его карие, живые умные глаза, да добродушно лукавая усмешка оставляли внимание постороннего на его лице. И в глазах и в усмешке чувствовались зоркий наблюдательный ум и большая жизненная энергия. Иона Дмитриевич любил жизнь, не смотря на то, что она его не баловала, любил людей, искал их, интересовался ими и потому то ему было все дорого, интересно и мило, что отражало и жизнь и людей, Ему мало было созерцания жизни

в настоящем. Если будущее для нас закрыто, тем интереснее прошлое. И потому то он так любил все, что было следом жизни. Определять художественную и научную ценность этих следов, делать из них выводы, строить теории он предоставлял другим, Он знал свои силы и не брался за это,—Мое дело найти старинную вещь и спасти ее, а уж там пусть профессора изучают ее, говорил он мне.—Мое дело маленькое...

Нет, он делал большое, крупное дело, без которого профессорам нечего было бы и делать.

Когда я познакомился с Ионою Дмитриевичем, он занимал скромную должность письмоводителя у тогдашнего губернского предводителя дворянства, Авдея Ивановича Шипова и в то же время заведывал музеем Губернской Архивной Комиссии. Тут и там он получал гроши. Работа по Комиссии и в Музее увлекала его и скрашивала бедноту жизни. Но в мае 1904 года он вышел в отставку, как писал мне, „из столоначальников“ Дворянского (депутатского) Собрания и одновременно с этим „по некоторым соображениям и в виду козней отказался от заведывания музеем“.

Единственным источником его существования с семьей в шесть человек детей стала теперь пенсия из Государственного Казначейства в размере 9 руб. 90 коп. в месяц... И это за 25 лет службы! И на это надо было жить, правда, в собственном крохотном, стареньком домике, учить детей, содержать сына в университете... Для Ионы Дмитриевича настали прямо бедственные времена. Генсии, писал он мне в 1905 году, „не хватает с детьми даже на хлеб“. Он „слезно“ просил помочь ему поступить на службу в Губернскую Земскую Управу. Ему обещали, но места не давали... Его положению все сочувствовали, но свое сочувствие не переводили в дело... Он ходатайствовал о даче ему пенсии из дворянских капиталов за службу дворянству. Ему „сочувствовали“ и в этом вопросе, но и из этого сочувствия опять таки ничего не вышло.

„Павел Васильевич, писал мне по этому поводу в июне 1905 года, глубоко мне сочувствует, да и все уездные предводители, которые меня все знают, но при всем

их желаний не могли дать мне пенсию, так как капитал, из которого бы можно было дать пенсию, истрачен 5-ти тысячным позаимствованием на пожертвование на флот, а остальное на ремонт дома. Когда хотя на половину пополнится капитал, то тогда и можно ожидать пенсии, что я вполне сознаю. Видно надо терпеть, ничего не поделаешь, а жизнь с семьей очень дорога и трудна“.

В 1907 году он писал мне:— „Нынче старший (сын) кончает в гимназии. Как Бог приведет поступить ему в университет, у меня просто ум за разум заходит. Средств нет. Нужда заставила продать дом и съехать на квартиру. Впрочем, нужда чего не делает... „Утешал себя бедняк и благодарил Бога за те крохи, которые падали ему со стола других...“

— „Благодаря Бога, писал он мне в том же году, в продолжение двух лет работаю для В. Н. С. и Г. В. Ю.^{дина} (разбираю) их семейные архивные дела. Конечно, работа кропотливая и требующая архивного опыта, но, спасибо, оплачивают добросовестно и этим заработком поддерживаю семью...“

Из писем его видно, что работал он и для других лиц. Так, в 1905 году он писал мне, что получил благодарность от великого князя Константина Константиновича за доставление ему копий с писем великого князя Константина Гавловича... В 1904-м он просил меня сообщить проф. И. А. Шляпкину, что нашел для него 4 старинных печки, „кафельные, весьма интересные и все различного свойства и надписей.“

Работал он и для учреждений... Одни платили, другие обещали заплатить.

— Хотя я по поручению Академии Наук, писал он мне, и собираю народный говор: песни, поверья и т. п., но когда получится вознаграждение, Бог весть. Материала много, да рук и средств не хватает...“

Когда начали готовиться в Костроме к Романовскому юбилею, Иона Дмитриевич был приглашен в 1909 г. просмотреть, разобрать и привести в порядок ризницу и библиотеку Ипатьевского монастыря.

Нужда однако все сгущалась и сгущалась в доме бедняка-архивиста. Старший сын его поступил в Московский университет.— „Госледнюю копейку пришлось истратить на снаряжение его, писал он мне в сентябре 1907 г., сообщая об этом событии, — а далее как тянуть, просто не придумаю, а еще в Костроме пятеро учатся и за них приходится платить и одевать. Хорошо, если университеты пойдут (т. е. занятия в них не прекратятся, — время было тревожное), а то беда...“

Он все еще пытался получить место в губернской земской управе, собирався вновь просить о назначении ему пенсии за службу дворянству.— „Дадут 5 руб в месяц, и то ладно.“ писал он мне. Но ни то, ни другое не удавалось.

— „В управу я до сих пор не поступил, — писал он мне в 1907 г., — потому я не могу надоедать, а желающих получить место много и при том с протекциями...“

И это все, что вылилось у него из души по поводу трехлетних тщетных поисков места. Не злобствуя на судьбу, не обвиняя людей за невнимание к его нужде, он же первый находил всему этому объяснение и оправдание.

В 1908 году костромской губернатор от себя уже сделал представление в Комитет призрения заслуженных чиновников об увеличении пенсии Ионе Дмитриевичу. Дело подвигалось туго, а нужда не терпела отлагательства.

— „Я слышал, писал мне в феврале 1909 года Иона Дмитриевич, что ходатайства рассматриваются периодически и по очереди, но по протекциям и вне очереди. Когда настанет моя очередь, Бог весть, быть может, можно помереть в ожидании...“

Чтобы ускорить дело, Иона Дмитриевич собрался с духом и написал двум знавшим его влиятельным людям, костромичам, прося их содействия к скорейшему рассмотрению представления о нем. Не получая от них ответа на свои письма, он уже заранее и сам оправдывал их молчание, их равнодушие.

— „Я писал А. Н. К^{удольсина} пространное письмо, — писал мне в декабре 1909 года Иона Дмитриевич, — но не знаю, получил ли он и в Питере ли находится. Конечно, такой великий человек, и при том больной, не будет мне отвечать“

Писал я трижды С. Н. А. и просил его справиться и попросить К.^{Улодина} так как Б. с ним знаком, но он мне ничего не пишет, да тоже в Питере ли?.."

И он вспомнил о своем „радетеле“, бывшем председателе Костромской губернской ученой архивной комиссии ст.-секретаре Н. Н. Селефонтове, который любил и ценил И. Д. за простоту души и преданность архивному делу.

Теперь он уже ничего другого не хочет, как только знать: „будет ли, что мне назначено или нет, пока хотя бы уже не думать, если не назначат. Нужда заела с шестью детьми...“

Так бедствовал, до конца своей жизни, человек, который мог бы разбогатеть и жить безбедно, если бы пользуясь своими знаниями, своими способностями, своей энергией, своим чутьем отыскивать „старину“, он захотел стать посредником между ею и столичными антикварами: покупать старинные вещи и рукописи за грош и продавать их за рубли... Но коммерческий дух был чужд Ионе Дмитриевичу вообще, а в любимом деле—особенно. Бедняк сам, он обогащал родной ему музей... Он постоянно ездил по деревням, по брошенным „дворянским гнездам“, забирался в самые глухие углы деревни и вывозил оттуда исчезающие постепенно предметы и деревенского быта, и былой дворянской усадебной культуры. Одни он покупал „по сходной цене“, другие получал в дар для музея. Чтобы добиться того или иного результата, нужно было уметь Ионы Дмитриевича говорить с крестьянами и увлекать интеллигентных собственников старины. В телеге, на дровнях или на розвальнях трясся он из деревни в деревню, а то шагал и пешком, целые вечера просиживал в избе на посиделках и вечеринках, пил водку с мужиками, грыз семечки с девками, пел с парнями, калякал со старухами—и в результате добывал или старый убрус, старинную вышивку, или песню, или сказку, или сведение о „кладе“, или легенду, или просто справку о том, у кого и какая старина есть еще.

С простым народом Иона Дмитриевич чувствовал себе вообще легко и свободно. Он любил мужика и сам бедняк, глубоко и живо чувствовал его бедноту. Сам „мел-

кий человек“, как он называл себя иногда в письмах, он близко принимал к сердцу приниженное социальное положение нашего крестьянства.

Стоя вообще далеко от общественно-политических течений, Иона Дмитриевич в период 1905-1907 г. г. не остался однако равнодушным к переживавшимся тогда событиям и настроениям. Гисьма его ко мне за этот период времени полны сообщениями о фактах местной общественно-политической жизни и суждениями по поводу их. И в них чувствовалось, как горячо и больно принималось им к сердцу все то, что он тогда видел. И на фоне всего того, что он видел, личные невзгоды и нужда теряли для него свою остроту.

В июле 1905 года он писал мне: „У нас в Костроме начали на фабриках шуметь, и уже четверо пораненных положено в больницу. Вообще началось возбужденное состояние...“

В ноябре того же года он пишет, что и в Костроме живется нелегко „в столь тяжелые времена вбунтовавшейся России“.

— „Был у нас, сообщает он слогом летописца, небольшой бунт 19 октября и кое-кого убили и поранили. Конечно, все молодежь учащуюся и отчасти земцев... Негодует мужик на земцев и на ученых и на интеллигенцию, но это не его мысль, а мысль, навеянная отживающей бюрократией...“

Во время этого „небольшого бунта“ едва не пострадал и сам Иона Дмитриевич. Вот как рассказывал он мне об этом в том же письме: „У меня во время небольшого погрома в Костроме за защиту избиваемых за свободу вышла было неприятность и могли побить, но, слава Богу, никто не тронул, но сулятся побить за то, что я сказал правду, что на П. В. Щу^{Чулейников} один негодяй поднял было руку...“

— „Чернь не поняла манифеста (17-го октября) и собирается бить всю интеллигенцию,—поясняет Иона Дмитриевич,... это все происки черносотенцев и партии Трепова*... Тяжело живется в России...“

*) Последнего слухи винили тогда во всем.

В декабрьском письме 1906 года Иона Дмитриевич сообщает мне, что „костромские дворяне попали в опалу за прием в свою среду бывших членов Думы, подписавших Выборгское воззвание.“ „Но что оно значит?“ восклицает простодушный археолог.— „Я мелкий человек и то скажу, что если бы не придали ему никакого значения (бумажного), все было бы хорошо. Неужели думают люди, усеянные звездами, что мы ничего не знаем. Как ошибаются, и сто крат ошибаются. Верьте мне, я всегда между народом...“

„Народу“, его нуждам, его бедноте посвящено все следующее письмо ко мне Ионы Дмитриевича от 1 апреля 1907 г. Он рисует в нем следующую, довольно яркую картину сравнительного положения прежде и теперь крестьянских достатков, и вывод из нея один: мужик нищ а е т.

— „Нынче на маслянице, пишет он ездил в деревню в гости к священнику. Думал, как годов 20-30 назад, люблюсь на крестьянскую масляницу, на веселящую молодежь, пьяных мужиков. Бывало на маслянице за полверсты до деревни пахнет в воздухе оладьями, встреча катающихся с колокольцами, а в деревнях молодежь гурьбами, с песнями и гармониками веселится и видно было даже, где делал стоянку хоровод по кучам скорлуп от семян и орехов. Увы, ничего этого нет. Проехал 5-6 селений в гости и обратно, удивлялся, деревни как будто вымерли, не то, что девиц или пьяненьких мужичков, даже мальчишек, шляющихся не видно. Спрашиваю мужичка-возницу: „что это, голубчик, как нынче масляница не весела?“— „От чего, батюшка, веселиться-то, да и на что. Впору ржаной мучки купить, а о пшеничной надо погодить, рыба ныне 100 судаков в фунте. Бывало, сходишь в амбар, насыпал мучки или овсеца, отвез в город, глядишь—купил всего. Нынче в амбар-то и ходить-то незачем. До веселья ли!!“

„А это почти во всех деревнях. Вот наступает весна и голод будет еще ощутительнее. Крестьянские амбары пусты, да общественные на половину разобраны. Грустная и тяжелая картина!“

Говоря далее о просыпающейся духовно деревне,—о том, что „мужики жадно читают газеты и прислушиваются“, Иона Дмитриевич боится, что деревню „от тяжелого мрака и голода прорвет, как ее не сковывай...“

— „Как не стыдно разным Крушеванам и т. п.!—заканчивал он это свое письмо.—Ведь эти люди должно быть имеют камень вместо сердца, и пошли в Думу не защищать народ-бедноту от произвола, а только показать себя и защищать свои алчные интересы. Наверное такие люди совсем не видели народной нужды, и нужды непроглядной...“

Таково содержание всех писем Ионы Дмитриевича ко мне за 1907 год. Их основная тема—растущая нужда крестьянства („только вот беда: мужики раскрывают крыши и кормят ими скотину...“, „сено неражее 75 к. пуд, а трава плохо движется вследствие холодной погоды, в деревнях голодовка...“) и тяжелая общественно-политическая атмосфера („и наша Кострома сьском не забыта...“)

Но прошли тяжелые годы—и тон писем изменился. Иону Дмитриевичу по прежнему более всего интересуют вопросы „старины“. Он по прежнему ездит за нею по деревням и усадьбам. Но особенно, как видно, волнуют его вопросы о постройке особаго здания для музея, архивной комиссии и о том, как будет организовано в Костроме 300-летие дома Романовых. Он постоянно спрашивал меня, „какие мнения ходят в Питере по поводу устройства памятника в Костроме“, и сообщал, что говорят и думают об этом на месте... В феврале 1909 года он писал:— „У нас в Костроме архиерей высказывает мнение, чтобы Троицкий собор в Ипатьевском монастыре реставрировать к 1913 году и заново освятить в 1913 году, дабы не тратить деньги на какой либо памятник-статую. Многими высказывается мнение, чтобы на всероссийский сбор было основано в Костроме высшее учебное заведение.“ И эту последнюю мысль он называл симпатичной.

Вычитав в истории города Макарьева, изданной В. В. Беляевым в 1907 г., что Михаил Феодорович Романов до избрания его царем долгое время находился тайно в Макарьевском на Унге монастыре в келиях строителя Давыда Хвостова, впоследствии Казанского архиепископа

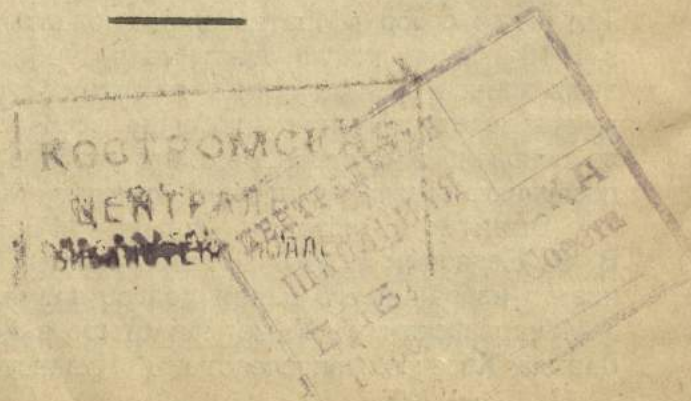
Ефрема, Иона Дмитриевич пишет:— „Личность Хвостова должна играть главную роль в избрании Михаила Феодоровича. Ведь наверное у него должна быть переписка. Хорошо бы ее отыскать!..“

И несомненно он ее искал.

Волновался он также, как пройдет археологический съезд в Костроме в 1909 г.— „Как бы не сплеховали наши распорядители?“— задается он вопросом. Ему казалось, что со смертью Н. Н. Селифонтова деятельность архивной комиссии потеряла свою прежнюю страстную напряженность. И в этом он, конечно, был прав.

Но съезд состоялся. Открыт был Романовский музей. Отпразднованы были юбилейные Романовские торжества. Иона Дмитриевич остался в стороне от всего этого шума, в тени. Слишком казался „мелким“, этот „скромный, безобидный человек“. И никто не вспомнил, что это он, Иона Преображенский, собрал почти все то, чем гордился музей; что это он, невзрачный с виду и бедно одетый человек, в течение нескольких десятков лет, почти без всяких средств, добывал все эти сокровища „Костромской старины“... А что дала ему за это жизнь? Ничего, кроме горькой нужды и унижения. Да будет же, по крайней мере, незабвенно в Костромском крае имя первого и ревностного собирателя родной старины.

Вл. Апушкин.

Ш 2996.2.

30.10.5

ВѢДѢНІЯ

(наименованіе учрежденія)

суммы въ ..... году.

Мѣста исполненія подряда или поставки.	Общая сумма договора, съ подраздѣленіемъ ея при долгосрочныхъ подрядахъ на суммы ежегоднаго исполненія.	По какому промысловому свидѣтельству, откуда, когда и за какимъ № выбранному, приняты подряды и поставки. Свидѣтельство, выбранное исключительно на подрядъ и поставку.	Свидѣтельства на торговля и промышленныя предприятия, содержаніе коихъ даетъ право вступать въ обязательства по подрядамъ и поставкамъ.	Мѣстонахожденіе торговыхъ и промышленныхъ заведеній подрядчика или поставщика, если таковыя имѣются.	Какихъ удостоянствъ и пр. суммъ безпл.
5	6	7	8	9	

